

Пропавшие в раю

Автор:

[Альбина Нури](#)

Каменный Клык

Альбина Нури

За пределом реальности

Алексей купил дом на побережье Азовского моря, чтобы начать новую жизнь с женой Марусей и падчерицей – трудным подростком Алисой, которая терпеть не может отчима.

Поселок Каменный Клык словно сошел с рекламного плаката, и все трое влюбились в него, едва увидев. Живописная природа, нарядные дома и доброжелательные соседи – разве не рай на земле?

Однако сказочное местечко оказалось настоящей смертельной ловушкой. Не каждый сможет вписаться в идиллически-приятную и удобную жизнь, правила отбора жестоки, и тем, кто его не проходит, не позавидуешь...

Книга также издавалась под названием «Пропавшие в раю».

Альбина Нури

Каменный клык

© Нури А., 2017

Пролог

Никогда в жизни мне не было так страшно. А прожил я долго и повидал немало. Оказывался в шаге от смерти, терял близких. Но такого тяжелого, парализующего волю тягучего ужаса испытывать не доводилось. До тошноты страшно за свою, в сущности, прожитую жизнь, но еще больше боюсь за жену. Случись что со мной, точно не спасется. Она у крайней черты, за которую переступишь – не вернешься. Возможно, я еще смогу ее вытащить, но без меня у нее никакой надежды. Только бы не оказалось слишком поздно...

Свет в комнатах не зажигали. Пусть думают, что мы уже легли. Весь день я старался вести себя как обычно. Улыбался, говорил что-то, занимался делами, а сам каждую секунду думал: только бы не заметили, не заподозрили. Вроде повезло, никто ничего не увидел.

Если только они не умеют читать мысли...

Вещи собирать не стали: засекут, что чемоданы к машине носим, и, считай, пропали. Решили взять только документы и деньги. Это я по привычке во множественном числе про нас с женой – «решили», «не стали»... Столько лет вместе. Но только теперь я за нас двоих – один. И решения на мне, и ответственность – моя. Потому что жена... Нет, не надо об этом. Лишь бы до машины довести ее без приключений, а там уж как-нибудь. Выберемся, справимся.

Однако уже пора. Почти одиннадцать вечера. Надо идти, хотя и страшно рисковать. Но оставаться еще страшнее. Здесь они рано или поздно доберутся до нас. И тогда ничего не поможет: ни молитвы, ни неверие.

Я встал со стула, подхватил заранее приготовленную сумку и пошел к двери. На ощупь в темноте, точно вор. В такой темноте не видно даже очертаний мебели. Хоть и знал, что где стоит, но пару раз все равно споткнулся, чуть не полетел на пол. Знакомая комната полна тайн и ловушек. Все в ней передвигается, перебегает с места на место, живет по своим неведомым законам.

За окном тоже чернота. Я давно заметил, какие непроглядные здесь ночи. Уличные фонари и льющийся из окон свет никогда не могли рассеять этот мрак. Но сегодня, успокаиваю себя, это нам на руку. Сегодня темнота – наш союзник. Она поможет стать незаметными и улизнуть.

Если только они не умеют видеть в темноте.

Только бы добраться до машины! Залезть внутрь, заблокировать двери, ударить по газам и рвануть отсюда, выжимая все резервы двигателя. Джип у меня мощный, не подведет, за это можно не беспокоиться. Остановить его даже им не удастся – раскатает по асфальту в лепешку.

Если только они не обладают какой-то особенной силой...

Наконец мне удалось дойти до комнаты жены. От напряжения весь взмок, пока шел. Открыл дверь, сделал несколько шагов и оказался возле ее кровати. Склонился ниже, пытаюсь расслышать дыхание. Внутри все дрожало. На короткий жуткий миг показалось, что я ничего не слышу: все кончено, опоздал! Но почти сразу же осознал, что ошибся. Жена дышала, легко и почти беззвучно. Она жива, но то ли спит, то ли пребывает в своем странном, ставшем уже обычным состоянии. Лучше не думать, что сейчас творится в ее голове. Главное – забрать мою ненаглядную отсюда. А после все наладится. Мы сумеем забыть, вычеркнуть из жизни это страшное время.

Если только они не пойдут за нами по пятам...

Часть I

«Если ты долго смотришь в бездну...»

Глава 1

На второй день пути попали под дождь. Такого ливня Алексей никогда в жизни не видел: вода обрушивалась с разверзшихся небес мощным потоком. Тяжелые капли грохотали по крыше машины так оглушительно, что он стал всерьез опасаться, как бы не осталось вмятин. На «Опель» словно накинули плотный серый чехол: за непроницаемой стеной дождя ничего невозможно было разглядеть, оставалось лишь догадываться, что навстречу, осторожно нащупывая путь, тоже движутся автомобили.

Алексей сбросил скорость, и теперь машина ползла медленнее черепахи. Оставалось надеяться, что и у остальных водителей достанет здравого смысла не лихачить в такую погоду. «Лишь бы в нас не вписался какой-нибудь идиот», – сердито подумал Алексей, протянул руку и выключил магнитола. Все равно почти ничего не слышно.

В этот момент в лобовое стекло что-то с силой ударило. Алексей хрипло охнул от неожиданности и на мгновение зажмурился.

– Что такое? – испуганно вскрикнула Маруся, вжавшись в сиденье.

– Понятия не имею, – раздраженно буркнул Алексей, хотя сразу сообразил, в чем дело. И тут же вопреки всякой логике продолжил: – Камень в лобовуху шарахнул.

– Разбилось? – переполошилась Маруся, пытаясь разглядеть трещины на стекле.

– Нет, зато «дворник» повредило.

Маруся и сама уже видела: стеклоочиститель с левой стороны безжизненно поник. Теперь различать дорогу стало совершенно невозможно, и Алексей был вынужден прижаться к обочине, остановиться и включить «аварийку».

– Добро пожаловать на юг, – немедленно отреагировала с заднего сиденья Алиса. – Надеюсь, нас не смочет, папочка?

Алексей вцепился обеими руками в руль и крепко стиснул зубы, чтобы не высказать противной девчонке все, что о ней думает. Всю дорогу Алиса только и делала, что изводила его, язвила, дерзила, и Алексей был на пределе.

Он отвратительно спал этой ночью: в номере придорожного мотеля было слишком душно и полно комаров. Вдобавок час назад их оштрафовали за обгон на перекрестке. Алексей не заметил перекрестка, зато его самого заметила камера видеонаблюдения, и первый же гибэдэдэшник призывно махнул палкой. У Алексея было два варианта: либо лишиться прав, либо заплатить немалый штраф. Рассчитавшись, он вернулся в машину еще злее прежнего. А вскоре полил дождь, и теперь еще этот проклятый камень угодил прямо в «дворник»...

Алексею страстно захотелось схватить Алису за шкуру и вышвырнуть из машины: пусть помокнет, проветрится, авось научится уважать старших.

Верно оценив его состояние, Маруся в сотый раз взялась сгладить зарождающийся конфликт.

– Алиса, сейчас же прекрати! – попробовала она одернуть дочь. Непривычный суровый тон давался ей плохо. Голос дрогнул, слова прозвучали скорее просительно и жалобно, чем строго. – Ты же видишь, папа и без того нервничает! Лешенька, мы, наверное, просто посидим и переждем, да? Дождь кончится, и ты посмотришь, как все починить?

– Если бы папа, – вполголоса, но вполне отчетливо процедила девочка, и Алексей, разумеется, услышал. Он рывком распахнул дверь и вышел из машины. Ощущение было такое, словно на него сразу же вылили ведро холодной воды. Стуча зубами, Алексей склонился над «дворником», пытаясь оценить масштабы повреждения.

К счастью, все оказалось не так плохо. Он быстро убрал злополучный камень и снова вернулся в салон: потребовался гаечный ключ. Маруся что-то отрывисто выговаривала Алисе, но тут же умолкла при его появлении. Алексей нашарил под сиденьем отвертку и снова захлопнул дверцу.

Сражаясь с увечным стеклоочистителем, он изо всех сил старался привести мысли в порядок. Надо взять себя в руки. В конце концов, он взрослый человек, а Алиска – всего лишь четырнадцатилетний подросток. В этом возрасте все максималисты. Что толку ругаться и доказывать свою правоту? Нужно быть терпимее, снисходительнее, мудрее...

Однако мудрость давалась с трудом. Может, будь Алиса его собственной дочерью, все было бы куда проще, и ее выкрутасы не выводили из себя так сильно. Любимым детям прощают многое, если не все.

Но чужую вздорную девчонку любить не получалось. Да и обычная вежливость давалась все хуже и хуже. Уже не впервые в голову закрадывалась мысль: а не зря ли он все это затеял? Зачем было брать на себя такую ответственность, тащить их неведомо куда? С другой стороны, для себя Алексей иного выхода не видел, Марусяка была его женой, и он любил ее. А брать с собой Маруську, бросив Алису, было немыслимо, так что...

Надеясь, что теперь «дворник» заработает, Алексей, закончив ремонт, мокрый как мыш, плюхнулся на сиденье.

– Замерз? С тебя вода льет, – виновато произнесла Маруся, как будто это она запустила камнем в стекло. Иногда заискивающие интонации ее тихого голоса выводили Алексея из себя. Он чувствовал себя маньяком, который тиранит ни в чем не повинную жертву.

– Ничего, согреюсь, – буркнул он. Стянул через голову насквозь мокрую футболку и повесил на спинку сиденья. Проверил – дворники послушно размазывали дождевые капли по стеклу.

– Поедем или подождем, пока ливень кончится? – несмело спросила Маруся.

– Поедем потихоньку. – По правде говоря, Алексею осточертело это путешествие, хотелось быстрее добраться до места. Он рассчитывал оказаться в Каменном Клыке уже к вечеру, но теперь, из-за вынужденных остановок, данная перспектива выглядела все более туманной. Как бы еще одну ночевку делать не пришлось.

Маруся еле слышно вздохнула, но возражать не решилась. Алексей отлично знал, что жена предпочла бы переждать непогоду. Несколько лет назад они попали в аварию – автомобиль занесло на скользкой дороге. Алексей пытался вырулить, но избежать столкновения не удалось, и машина врезалась в столб. «Четырнадцатая» пострадала довольно сильно. Это вообще была невезучая машина, с которой вечно что-то случалось: то «раздели» на стоянке, то магнитолу сперли, разбив боковое стекло. После той аварии Алексей больше на

ней не ездил, отремонтировал и продал. Добавил денег, купил «Ниссан», который теперь сменил на «Опель».

Они с Маруськой, к счастью, тогда отделались ушибами и ссадинами. Но страх, который испытала жена в те короткие мгновения, остался с ней навсегда, Алексей часто замечал его темную тень на дне ее оленьих глаз. Видел, как Маруся судорожно сжимает руки в замок, стоит ему чуть превысить скорость, знал, как боится ездить в дождливую или снежную погоду, и всегда старался оградить ее от таких поездок. Но сейчас Марусин испуг почему-то вызвал у него мстительную, злую радость. Он сделал вид, что не замечает ее состояния, и завел двигатель.

Проехали совсем немного, когда дождь внезапно прекратился, как будто кто-то наверху завернул кран.

– Надо же, как странно: взял и перестал! – На Марусином лице было написано такое облегчение, что Алексею стало стыдно. В самом деле, чего он на нее-то взъелся? Разве она виновата? Алексей повернул голову, улыбнулся жене и легонько сжал ее тонкие пальчики. Маруся тут же радостно и благодарно улыбнулась в ответ.

Ближе к ночи, оставив далеко позади Ростов-на-Дону, Алексей смирился с тем, что сегодня в Каменный Клык им точно не успеть. Собственно, никакой спешки и не было – днем раньше, днем позже, ничего страшного. Просто не терпелось поскорее увидеть место, где им всем предстояло начать новую жизнь.

Под конец дорога становилась все более утомительной. Когда проезжали Татарстан, Ульяновскую, Саратовскую, Волгоградскую области, приятно покалывало радостное нетерпеливое ожидание, но сейчас на смену ему пришла усталость. Утомляло не само путешествие: дорога вполне могла бы оказаться приятной, если бы не маленький монстр, расположившийся на заднем сиденье. Алексея измотало бесконечное напряженное ожидание очередной Алискиной выходки. Поначалу у него получалось игнорировать девчонку, но спустя сутки это стало почти невозможно. Хотя он старался, стискивал челюсти и пытался сосредоточиться на пейзаже.

За окнами темно-серого, словно приготовившегося к прыжку, мощного «Опеля» пролетали леса и перелески, постепенно сменившиеся огромными открытыми

пространствами, мелькали города, городишки и поселки. Некоторые селения, преимущественно на Кубани, радовали глаз красивыми ухоженными домами и аккуратными улицами, однако слишком многие выглядели неприятными и полузаброшенными. Одна деревенька запомнилась особенно. Машина ехала медленно, неуклюже подпрыгивая на кочках и колдобинах, каждую секунду рискуя провалиться в очередную дорожную яму. Совершенно безлюдная деревня: до самого выезда из села они так никого и не повстречали.

Унылые, кривые дома, мутные, полуслепые окна, украшенные рваными занавесками. Возле одного двора стояла тощая мосластая корова, кое-где возились в пыли встрепанные грязные куры. Покосившаяся церквушка с облезшей позолотой куполов. Чахлые, болезненные деревья. Единственным более или менее приличным, добротным зданием было казенного вида двухэтажное строение из красного кирпича. Алексей решил, что здесь располагается местная администрация, и приготовился иронично усмехнуться, однако ошибся. В краснокирпичном доме находилось бюро ритуальных услуг «Последний приют».

- Царство смерти, - в унисон его собственным мыслям пробормотала Маруся.

Они двигались с приличной скоростью, больше никаких препятствий на пути не встретилось, и проехать оставалось всего-то триста километров, однако за окнами уже совсем стемнело. Мчаться ночью по незнакомым дорогам, руководствуясь лишь подсказками навигатора, который уже не раз заставлял их повернуть не туда, куда следовало, Алексей побоялся. Будь он один, может, и рискнул бы, но Маруся сильно нервничала. Ничего не поделаешь, придется останавливаться на ночлег.

Сворачивая к первой попавшейся придорожной гостинице, он с тоской думал, что нормально отдохнуть снова не удастся: Алексей умел спать только дома, как бы ни была хороша и удобна чужая постель.

Автомобилей на парковке оказалось немного. Алексей вышел из машины, открыл багажник, чтобы взять одну из сумок. Кондиционированный воздух не шел ни в какое сравнение с мягкой прохладой южной ночи, и Алексей с наслаждением дышал полной грудью. Откуда-то сбоку доносилась негромкая музыка. Он посмотрел в ту сторону и увидел небольшое кафе, отчего-то наивно названное «Парижем».

Алексей помассировал поясницу и с хрустом потянулся: от долгого сидения за рулем тело слегка ныло. Ему ужасно хотелось сбросить одежду, принять душ и вытянуться на кровати. Маруся разбудила задремавшую Алису, и они втроем пошли к двухэтажному зданию с ярко освещенным фасадом.

В холле было пустынно. Симпатичная, щедро покрашенная администраторша с затейливой прической одарила их счастливой и, похоже, вполне искренней улыбкой. Наверное, уже не ожидала, что сегодня могут заглянуть клиенты.

– Здравствуйте, проходите, пожалуйста! У нас есть свободные комнаты! Очень удобные! Гостиница новая, вам все понравится, – с характерным говорком тараторила она.

Пока Алексей оформлял двухкомнатный трехместный номер, Алиса бродила по вестибюлю и разглядывала скучноватые пейзажи, развешанные по стенам. В углу каждой картины стояла подпись художника – «Сайко».

– Вам нравятся картинки? – жизнерадостно осведомилась администраторша и, не дожидаясь ответа, гордо выпалила: – Это Виктор Макарыч, директор наш, на досуге рисует!

– Передайте вашему Макарычу, пускай лучше своим трактиром занимается. Нечего позориться и краски переводить, – невозмутимо произнесла Алиса, круто развернувшись и в упор уставившись на администраторшу. Та растерянно хлопала округлившимися глазами и не знала что ответить. Добившись нужного эффекта, девочка удовлетворенно хмыкнула.

– Алиса! – возмутилась Маруся и густо покраснела. Алексей решил поберечь нервы и не стал вмешиваться.

– А что такое? Это же правда! Хочешь сказать, тебе эта убогая мазня по вкусу? – нахально ухмыльнулась Алиса.

Ко всеобщему облегчению, в этот момент входная дверь снова открылась, и на пороге показалась еще одна семейная пара. На руках у женщины спал рыжеволосый мальчик лет трех. Администраторша поспешно всучила Алексею ключи и переключила свое внимание на новых клиентов.

Номер действительно оказался вполне приличный, с большими удобными кроватями, кондиционером и телевизором. На стене красовалось очередное творение директора Сайко. Алексей достал из сумки свежее белье и футболку и направился в душ. Шум льющейся воды заглушал все остальные звуки, но он точно знал, что Марусяка и Алиса переругиваются за стеной. Точнее, Маруся несмело пытается что-то внушить дочери, а та колко огрызается в ответ. За последние несколько месяцев, что девочка живет с ними, это стало обычным явлением.

Спать улеглись далеко за полночь. Пока по очереди мылись, пока ужинали и готовились ко сну, прошло почти два часа. Алексей был не голоден и мог бы запросто ограничиться бутербродом с чаем, но знал, что Марусяка расстроится. Каждый раз, когда Алиса откалывала очередной номер, жене было неловко, она чувствовала себя виноватой во всех смертных грехах. И если бы он отказался от еды, Маруся решила бы, что муж злится из-за Алискиной выходки. Так что Алексей послушно съел походный ужин и даже выпил чаю с вафлями.

Собираясь в дорогу, Марусяка подготовилась основательно: наварила яиц и картошки, запихнула в сумку-холодильник сыр, сосиски и колбасу, нажарила и уложила в термос домашних котлет, взяла кофе и чай в пакетиках, вафли, печенье, яблоки, мандарины, овощи. Алексей пробовал возражать, говорил, что поесть вполне можно и в придорожных кафе. Но Марусяка, обычно податливая и охотно предоставляющая мужу принимать все решения, в этот раз была непреклонна. Она считала, что в подобных заведениях общепита царит полная антисанитария, да вдобавок тебе бессовестно скормят кошку под видом гуляша или бифштекса. Алексей быстро сдался, и теперь они в невероятных количествах поглощали припасы, которые Марусяка подкладывала, приговаривая: «Смотрите, сколько тут всего. Ешьте, не выбрасывать же!»

Ночью, слушая сонное дыхание жены, Алексей думал, что уже завтра увидит дом, о котором так долго мечтал, и место, на которое возлагал большие надежды. Он повернулся на бок и обнял Марусю левой рукой. Она завозилась и что-то пробормотала во сне. Марусяка обладала счастливой способностью быстро засыпать в любых условиях. Алексей завистливо вздохнул и прикрыл глаза.

Все складывалось неплохо, но в душе отчего-то шевелился крошечный червячок тревоги. Алексей попытался понять, что именно его беспокоит, но не сумел. Все шло так, как он и планировал. Но все же что-то не давало покоя. Наверное, дело

в резкой смене обстановки и обычном волнении при переезде. К тому же Алиса изрядно портит настроение.

Постепенно мысли становились все более спутанными, парадоксальными и туманными, текли вяло и неохотно. Сам того не заметив, Алексей заснул, уткнувшись в теплое Маруськино плечо. Той ночью он увидел странный сон. Незнакомые хохочущие люди, комнаты с огромными зеркалами, обнаженные женщины с хищными лицами, покосившиеся кресты и надгробия, а сам он петлял по запутанным дорогам, искал что-то и боялся это найти.

Маруся проснулась от стога Алексея и удивленно посмотрела на мужа. Тот всегда спал тихо, сон его был легкий и невесом. Она мягко коснулась Лешиного лба: он был влажным и прохладным. Маруся погладила мужа по коротко стриженным жестким волосам и поцеловала в уголок рта. Алексей нахмурился, но задышал ровнее. Маруся еще некоторое время вглядывалась в бесконечно любимое лицо, потом опустила голову на подушку и устроилась поудобнее. Вскоре она уже крепко спала.

Утром Алексей не помнил своего диковинного сна. От ночных видений остался лишь невнятный привкус тревоги, но вскоре пропал и он.

Глава 2

Дом, в котором им теперь предстояло жить, понравился всем троим. Даже Алиса, с некоторых пор во всем занимавшая непримиримую позицию, предпочитая находиться в состоянии войны с окружающим миром, признала, что дом «клевым».

В поселке под названием Каменный Клык было несколько улиц: Приморская, Центральная, Солнечная и Ягодная выходили к морю, Поперечно-Приморская и Поперечно-Центральная пересекали их под прямым углом. В центре располагалась небольшая площадь с магазинами, кафе, банком, рынком, почтой и зданием поселковой администрации. Каменный Клык утопал в зелени и цветах, несмотря на то, что дело шло к концу сентября. На аккуратно заасфальтированных улицах было чисто и опрятно, а люди, которые попадались им навстречу, приветливо улыбались, пусть и смотрели на приезжих слегка

удивленно. Риелтор Вадим Дубцов, который занимался покупкой и оформлением их нового дома, пояснил:

- Сейчас поток отдыхающих схлынул, редко кто приезжает.

Вадим встретил их в центре поселка, как и договаривались. Это был плотный кряжистый мужчина лет сорока с загорелым лицом, пышными усами и живыми темными глазами. Руки его были покрыты густой черной порослью. Маруся поймала себя на мысли, что вид этих волосатых конечностей напоминает ей мохнатые паучьи лапы. Ее нежное лицо исказила гримаса отвращения, и она поспешно отвела глаза.

- А почему поселок называется Каменный Клык? - поинтересовалась Алиса.

- Вон там, - Вадим неопределенно махнул рукой куда-то влево, - есть мыс. Он сильно выдается в море. Это и есть тот самый Клык. Будешь туда ходить, смотри, осторожнее. Не подходи близко к краю. Обрыв очень крутой, и земля вся в трещинах.

- Она вообще не будет одна туда ходить, правда, Алиса?

Девочка не удостоила мать ответом и жадно спросила Вадима:

- А что, уже кто-то свалился?

- Нет, - ответил слегка шокированный Алискиной реакцией риелтор, - по крайней мере, в последние лет двадцать точно никто не падал.

- Может, поедем уже посмотреть дом? - резко меняя тему, спросил Алексей.

- Да-да, конечно, - спохватился Дубцов и заспешил к серебристой «Вольво».

Через несколько минут они уже стояли перед домом. Белое двухэтажное здание было огорожено высоким забором с металлической черной ажурной калиткой. Вадим достал ключ и открыл калитку, пропуская Алексея, Марусю и Алису вперед. Они оказались в небольшом дворике, вымощенном разноцветной плиткой. По периметру располагались клумбы с цветами, стояли скамейки,

справа виднелась увитая зеленью беседка, вглубь вела выложенная светлыми камнями дорожка.

– За домом довольно большая территория, десять соток, там можно разбить сад, – громко говорил Дубцов, обрадованный тем, что дом явно нравится новым хозяевам, – на заднем дворе есть место для бассейна или площадки для отдыха. Некоторые устраивают летнее кафе – очень выгодно, между прочим. Кстати, пространство перед домом тоже ваше, можно устроить парковку.

Они обошли дом и увидели, что к нему примыкает большая пристройка.

– Дом строили как мини-гостиницу, предполагалось, что в сезон хозяева перебираются жить сюда. Здесь три комнаты и кухня, – объяснил назначение пристройки Вадим.

Пространство, которому предстояло стать садом, пока выглядело неухоженным пустырем, поросшим травой. Работы предвиделось непочатый край, но по затуманившимся Марусиным глазам Алексей понял, что она уже строит планы, что и куда будет высаживать. Жена обожала возиться с землей, сказывались деревенские корни.

Дом, как и пристройка, был полностью меблированным и оборудованным – это входило в стоимость. Из родной Казани Алексей и Маруся привезли только одежду и личные вещи. На первом этаже располагался просторный вестибюль с телевизором, большими зеркалами, картинами в богатых рамах, напольными вазами, кожаными угловыми диванами, журнальными столиками и фонтаном, который в данный момент не работал. Если честно, фонтан был пошловат: гологрудая русалка томно изогнулась на камне и держала в руках большой кувшин с широким горлом. Однако многие люди с менее притязательным вкусом нашли бы фонтан очаровательным, так что менять его Алексей не собирался.

В глубине холла виднелись широкая лестница на второй этаж, закрытая дверь и арка. За аркой начинался коридор, по обе стороны которого располагались двери.

– На первом этаже шесть номеров люкс, на втором – восемь номеров экономкласса, – рассказывал Дубцов и, предваряя расспросы, пояснил: – Они отличаются наличием-отсутствием кондиционеров и телевизоров. Холодильники

и туалетные комнаты с унитазом, душевой кабиной и раковиной есть во всех номерах.

Новые хозяева бегло осмотрели комнаты. Везде стояла одинаковая мебель: кровати, столы, стулья, шкафы и тумбы. На окнах – жалюзи, на стенах – репродукции картин Айвазовского, в номерах люкс на полу лежали ковры.

– Как видите, никакие ремонт или переделка не требуются. Что называется, заезжай и живи, – с довольным видом подытожил риелтор, когда они вернулись в холл первого этажа.

– А что за той дверью? – спросила Алиса. Она вертела головой по сторонам и сейчас была похожа на ребенка, который рассматривает новогодние подарки под елкой.

«Да ведь она и в самом деле ребенок. Слишком часто ощущающий себя лишним, недолюбленным. Оттого и дует на весь мир», – подумал Алексей, ощущая нечто среднее между жалостью, грустью и виной.

– Ах, да! Забыл показать вам самое главное! – хохотнул Вадим. – Там служебные помещения: кабинет и кладовая, пойдете.

Дубцов открыл дверь, и они оказались на тесном пяточке, куда выходили две узкие простенькие двери светлого дерева. В кабинетик с трудом вмещались письменный стол, стул, два кресла и шкаф для документов, кладовая была до отказа забита бельем, покрывалами, полотенцами и прочими необходимыми вещами, которые аккуратно лежали на металлических стеллажах. Еще здесь были гладильная доска и три стиральных машины.

– Вадим, а зимой прежние хозяева жили здесь, в доме? – поинтересовалась Маруся.

– Видите ли, дом строили и оборудовали прошлым летом и осенью, однако уже в начале февраля этого года выставили на продажу, – после едва заметной паузы ответил Вадим.

– То есть никто здесь не жил? И отдыхающим его еще не сдавали? – удивилась Маруся.

Алексей ни о чем Дубцова не спрашивал. Он знал, что бывшие хозяева, построив дом, почти сразу продали его агентству по недвижимости. Причинами не интересовался: мало ли, может, передумали заниматься гостиничным бизнесом. А может, климат не подошел. Однако Марусю, похоже, это озаботило.

– Какое-то время хозяева здесь жили, но где именно – в доме или в пристройке, я не знаю. А гостей – тут так принято называть отдыхающих – действительно пока не было.

Дубцов выглядел немного встревоженным. Его беспокоили настойчивые расспросы Маруси. Вдруг женщине придет в голову отказаться от сделки? Ведь документы еще не подписаны! Хотя это маловероятно, успокоил себя риелтор, ведь Васильев уже внес залог за дом. И, судя по всему, именно муж был полноправным главой этой маленькой семьи. Алексей тут же подтвердил его мысли:

– Просто отлично, что дом совершенно новый и здесь практически никто не жил. Мы именно на это и рассчитывали, – твердо произнес он.

– Но почему прежние хозяева его так быстро продали? – неуверенно произнесла Маруся. – Как будто избавились...

Алиса не слышала этого диалога, а то непременно вставила бы свои пять копеек. Но в данный момент девочка была где-то во дворе.

– Мало ли какие у людей обстоятельства? Это прекрасный дом, и незачем во всем искать подвох, – с нажимом сказал Алексей. В его голосе слышались недовольство и досада, Маруся сочла за благо согласиться и прекратить расспрашивать Вадима. Тем более что дом и в самом деле был выше всяких похвал и очень ей понравился. Действительно, бывшие хозяева могли уехать по тысяче разных причин, и незачем их выяснять.

Осматривая пристройку, Маруся и вовсе позабыла о своих мимолетных сомнениях. Ведь доведись ей обустроить жилье, она и сама обставила бы комнаты точно так же. По душе пришлось все: и просторная светлая гостиная с

современной мебелью, и оборудованная по последнему слову техники кухня с барной стойкой и большим круглым столом посередине, и уютная спальня с пушистым ковром и красивыми шторами, и будущая комната Алисы. Хотя над последней, конечно, стоило поработать. Здесь был сделан красивый ремонт, на окнах висели подобранные в тон цвету стен и потолка шторы, однако из мебели имелся только симпатичный платяной шкаф.

– Прежние хозяева, – объяснил Вадим, – планировали устроить здесь вторую спальню. Летом к ним собиралась приезжать внучка.

– Так они были пожилые? – Маруся отчего-то решила, что не известные ей Давыдовы были такой же молодой парой, как и они с Лешей.

– Да, им где-то около шестидесяти. Андрей Давыдов имел бизнес, не помню уже, в какой именно области. Решил отойти от дел, говорил, что устал от суеты. Они с супругой собирались пожить на море, заодно и заняться гостиничным бизнесом. Андрей к тому же хотел сделаться писателем. Рассказывал как-то, что всегда мечтал написать роман.

– Надо же, очень интересно, – равнодушно заметил Алексей.

– Тем более странно, что они передумали и... – начала было Маруся, но тут же умолкла под предостерегающим взглядом мужа.

Закончив осмотр, Вадим и Алексей стали договариваться о сроках подписания договора. В итоге решили встретиться и оформить все через два дня, в пятницу. Маруся с Алисой ушли куда-то за дом, и до мужчин долетали их взволнованные и радостные голоса.

– Кажется, угодили своим девочкам? – улыбнулся Дубцов.

– Похоже на то, – согласился Алексей. В глубине души он, конечно, волновался, опасаясь, что на Марусю дом не произведет того впечатления, которое произвел на него самого, и она не захочет жить здесь. Да и сам он видел дом вживую, а не на фотографиях, которые прислал ему Вадим, лишь однажды. И то в течение получаса, не больше. При детальном рассмотрении запросто могла всплыть масса нежелательных подробностей.

Переезд на море был спонтанным решением. Возможно, опрометчивым. И уж точно рискованным. На протяжении последних десяти лет у Алексея был небольшой бизнес по ремонту и отделке квартир. По образованию он был физиком и математиком, окончил соответствующий факультет педагогического университета и даже два года отработал в школе. Работа ему нравилась, преподавание приносило радость и удовлетворение, ученики любили молодого прогрессивного учителя, на уроках которого никогда не было скучно. Словом, карьера педагога давала ему все, что нужно, кроме нормальных денег.

Алексей, конечно, в любом случае не голодал бы. Отец и мать, уважаемые профессора медицины (папа – эндокринолог, мама – гинеколог), хоть и были пенсионного возраста, имели обширную практику, народ на прием толпами валил. Семья всегда жила обеспеченно. Родители хотели приобщить к медицине и его, но Алексей категорически отказался, ибо никакой тяги к врачеванию не чувствовал. С детства обожал математику. Мать с отцом быстро смирились, они вообще редко возражали или запрещали что-либо любимому сыну.

Словом, материальных проблем Алексей никогда не знал. Однако сидеть на шее у мамы с папой – это было как-то... не комильфо. Уволившись из школы, Алексей довольно долго ощущал, что совершил ошибку и, высокопарно выражаясь, предал самого себя, но со временем это чувство стиралось, становилось все слабее, пока вовсе не исчезло.

Он стал заниматься евроремонтом. Работал споро и с выдумкой, так что быстро оброс клиентами и постоянными заказчиками, а вскоре открыл собственное дело. Сам квартиры ремонтировать перестал, этим занимались бригады рабочих. Однако бизнес, долгое время приносивший неплохой доход, в последние год-два стал угасать, и Алексей снова задумался о смене деятельности. Все решилось буквально в одночасье.

В феврале Маруся уволилась с работы (она работала бухгалтером в детском садике) и уехала в деревню к своей матери – та находилась при смерти. Жена пробыла в Смоляновке до начала июня. Вернулась, схоронив мать и привезя с собой Алиску. Но это была отдельная история.

Нынешнее лето стало, пожалуй, самым тяжелым в истории их отношений. Уже через месяц после приезда Маруси и Алисы обстановка в семье накалилась до такой степени, что Алексей стал всерьез подумывать о разрыве отношений, тем более что официально они с Маруськой и не расписывались. Просьба лучшего

друга Олега слетать с ним на неделю в Темрюк, на Азовское море, пришлось как нельзя кстати. Олегу требовалась компания, точнее, моральная поддержка в улаживании кое-каких семейно-наследственных дел, а Алексей воспринял эти дни как возможность передохнуть и обдумать дальнейшую жизнь. Как хорошо сказано у Есенина – «Лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстоянье».

Расстояние помогло понять две вещи. Во-первых, что Маруся ему действительно нужна. Это та самая женщина, которую он хотел бы видеть рядом до конца дней и от которой хотел бы детей. А во-вторых, он решил, чем будет заниматься, оставив свои ремонтно-строительные дела. Объезжая на арендованной машине побережье Азовского моря, покуда Олег бодался с родственниками, Алексей наткнулся на чудесное местечко под названием Каменный Клык.

Ему остро захотелось навсегда остаться здесь, на берегу теплого моря. Поселиться в одном из красивых уютных домиков, забыть о суровых зимах и мрачных, наводящих депрессию осенних вечерах. Зарабатывать на жизнь, сдавая в сезон жилье отдыхающим, как это делает большинство жителей небольших поселков прибрежной полосы. Отдых на Азовском море пока не столь популярен, как на Черном. Это на черноморских пляжах порой пятку поставить некуда, а тут спокойствие, тишина. И цены божеские. Поэтому желающих отдохнуть здесь становится с каждым годом все больше. И на этом, при правильном подходе, можно заработать неплохие деньги.

Алексей обошел весь поселок, и на одном из домов увидел табличку «Продается». По счастливому стечению обстоятельств риелтор, занимающийся продажей, оказался в тот день здесь и показал дом Алексею. Цена оказалась приемлемой, даже слегка заниженной. Алексей продал свою квартиру в Казани, родительский дом в пригороде – и ему хватило. Даже сбережения не пришлось трогать. На них он рассчитывал прожить до начала сезона отпусков и подготовить все к приему отдыхающих (гостей).

Договорившись обо всем с риелтором, Алексей внес залог, пришлось взять в долг у Олега, а по приезде в Казань развил бурную деятельность. Продал недвижимость, закрыл ИП. И предложил Маруське уехать с ним к морю. Взяв с собой Алису, разумеется. Он искренне считал, что смена обстановки пойдет им всем на пользу. Маруська разрыдалась от счастья и согласилась. Она, если честно, со страхом ожидала его возвращения, почти уверенная, что он объявит о разрыве отношений. Узнав, что расставания не предвидится, Маруся так

обрадовалась, что поехала бы с ним куда угодно. Хоть на Колыму.

Да и терять ей, по правде говоря, было нечего. Уехав много лет назад из деревни, жила на съемных квартирах, на собственное жилье заработать так и не удалось. На материнское наследство, не слишком-то и богатое – дом тридцатилетней выдержки, да огород пятнадцать соток, – кроме нее претендовали еще двое братьев и сестра. Продавать дом в деревне, расположенной в ста сорока километрах от Казани, было делом заведомо провальным. На семейном совете решили уступить дом сестре: она единственная из всех осталась в Смоляновке, вышла замуж и жила у мужа.

Так что из родной деревни Маруська вернулась с дочерью-подростком и грустной перспективой мыкаться по съемным квартирам в статусе матери-одиночки. Но, конечно, не только поэтому она с радостью согласилась переехать на Азовское море. Больше всего и всех на свете (страшно признавать такое, но даже больше дочери!) она любила Алексея.

И вот в день переезда в Каменный Клык, прощаясь с Вадимом Дубцовым, Алексей думал, что наконец-то в жизни их семьи начинается светлая полоса. Они заслужили все это – и дом, и юг, и море, и покой. Алексей посмотрел вслед отъезжающей машине, развернулся и пошел искать Марусю и Алису.

Был вторник, двадцать восьмое сентября.

Глава 3

Первые пять дней в Каменном Клыке были, наверное, самыми счастливыми в Марусиной жизни. Она сразу влюбилась в красивый огромный дом, который купил им Леша, в нарядный пряничный поселок, мягкий ласковый климат и, конечно, в море.

Маруся с упоением занималась обустройством нового жилища и всякий раз, когда выдавалась свободная минутка, шла на берег.

«Это же просто сказка, – думала она. – Открыл калитку, несколько минут прогулочным шагом по тихой улочке – и вот оно, море!»

Поселок Каменный Клык расположился на высоком крутом берегу. Чтобы добраться до пляжа, нужно было осторожно спуститься по крутой лесенке с деревянными перилами и узкими ступеньками. Иногда Маруся сходила вниз, на пустынный осенний пляж, иногда просто любовалась водным простором сверху, сидя на лавочке. Купаться не решалась – все-таки середина осени, не жарко, а у нее хронически больные почки. Да и плавать так и не научилась. Так что к морю ходила не плавать, попирая ногами его величавые воды, а любоваться. Благоговеть.

Ей казалось, что море – живое. Оно дышало, переливалось на солнце, играло, шептало, меняло настроение. Каждый раз Маруся здоровалась с ним и прощалась, а если была уверена, что никто не слышит, то могла и побеседовать вслух.

Сегодня, в понедельник, Маруся принесла к морю свое хорошее настроение. Вчера они втроем отметили новоселье. В субботу из Темрюка привезли мебель в Алискину комнату. Стол, небольшую стенку, этажерки, тумбочки, кровать – они все вместе ездили выбирать в четверг. А еще купили огромный плазменный телевизор (оставшийся от хозяев утащила к себе Алиса), ночник (Леша обожал читать на сон грядущий), постельное белье, комнатные растения, цветочные горшки, массу всяких парфюмерно-косметических штучек и разных мелочей. Маруся составила подробный список и вечером с удовлетворением отметила, что они приобрели все, что нужно. И даже больше.

Их маленький праздник удался. Марусе казалось, что они стали как-то ближе друг к другу и общались почти как нормальная семья. Вот если бы все вечера на новом месте были бы такими же! Хотя бы вполовину...

Маруся, которую мать научила отменно готовить, расстаралась на славу. Да на такой кухне кто угодно почувствовал бы себя кулинаром от Бога! Помимо шикарного гарнитура, большого обеденного стола, навороченной плиты, громадного холодильника и всевозможной кухонной техники: мультиварка, хлебопечка, йогуртница, кофемашинка и прочая, и прочая, здесь была вся необходимая (и даже сверх необходимого!) посуда и утварь. Интересно, как у прежних хозяев хватило духу оставить эту красоту? Ладно, мебель – ее, наверное, сложно вывозить. Но всю кухонную атрибутику... Маруся точно знала,

что сама ни за что не рассталась бы с таким богатством.

Она запекла в духовке фаршированную утку, потушила картофель с овощами, испекла пирог с яблоками и пирожки с рисом и мясом, а еще наготовила кучу разных салатов. Даже Алиса, которая редко бывала чем-либо довольна, не высказала ни одной претензии. Девочка не грубила, не дерзила, а мило улыбалась и даже смеялась Лешиним шуткам.

«Леша – он вообще замечательный», – счастливо думала Маруся, сидя на своей любимой лавочке. Как же ей с ним повезло! Зря мать мрачно предрекала:

– Смотри, Маринка (на самом деле ее звали Мариной, это Леша придумал звать Марусей, говорил, такое имя подходит ей больше), смотри, нахлебаешься с ним горя!

Правда, слово «горе» мать заменяла другим, более выразительным словечком, которое не произносят в приличном обществе. Она всегда была такая – невоздержанная на язык, чересчур прямолинейная и резкая. Совершенно ясно, в кого Алиска такая язва.

Мать, не считая нужным скрывать свое мнение, была убеждена, что Алексей не пара ее простушке Маринке. Городской, образованный, обеспеченный. Единственный сын пожилых родителей (царствие им небесное, тихо ушли друг за другом два года назад). Живет в огромной трехкомнатной квартире, ездит на богатой машине, отдыхает за границей. К тому же Алексей – чрезвычайно привлекательный мужчина.

Он был красив не рафинированной, слащавой, женоподобной красотой, а настоящей мужской красотой со всеми положенными составляющими: волевым подбородком, мощными бицепсами, широким разворотом плеч, узкими поджарыми бедрами. Волосы у него чуть вились, Алексею это почему-то не нравилось, и он коротко стригся, демонстрируя безупречно вылепленный, правильной формы череп. У него были четко очерченные чувственные губы и большие глаза удивительно яркого голубого цвета, что особенно необычно при темных волосах.

Маруся каждый раз замечала, как смотрят на Лешу другие женщины. Не просто смотрят, а прямо-таки пялятся. Страшно гордилась им, но каждый раз

вспоминала слова матери о том, что она, деревенская девчонка, не чета такому мужчине. Хотя, конечно, деревенские барышни тоже разные бывают. Иные умудряются так обтесаться и адаптироваться в городских джунглях, что держись, столица!

Но это было не про Марусю. Тихая, робкая, уступчивая, она так и не научилась держаться уверенно и раскованно. Одевалась со вкусом, но без лоска. Улыбалась застенчиво, говорила тихо. Не умела показывать характер, брать напором, острословить. Не слепила из себя роковую красотку. Не сделала карьеру – да и не стремилась к этому. Правда, в институте отучилась. Но как пришла после окончания учебы работать в детсад, так и проработала почти десять лет. Ни амбиций особых, ни честолюбия.

Внешне Маруся тоже проигрывала мужу. Нет, страшненькой не была, но, как говорится, он как мужчина гораздо более эффектен, чем она как женщина. Стройная, но несколько угловатая фигура. Милое, однако ничем не примечательное личико. Правда, темно-каштановые волосы длинные и густые, а кожа сливочная, безупречная, и цвет лица такой, что ни пудрой, ни румянами, ни тональным кремом она в жизни не пользовалась. Не было необходимости. К тому же выглядела Маруся намного моложе своих тридцати с небольшим. Их с Алиской часто даже принимали за сестер.

Иногда Маруся спрашивала себя: что Леша в ней нашел? Боялась, что он просто ошибся, скоро поймет свою ошибку и примется ее исправлять. А уж если вспомнить о том, какое прошлое у нее за плечами...

В шестнадцать лет Маруся влюбилась в студента, который приехал к ним в деревню «на картошку». В тот короткий месяц они успели все: и на тайные свидания побегать, и на звезды ясной ночью полюбоваться, и под гитару попеть, и планов на будущее понастроить. Летом Маруся оканчивала школу и собиралась приехать в Казань поступать в институт. А там, обещал Макс, и до свадьбы рукой подать.

Максим уезжал в октябре, оставив любимой свой номер телефона и горячие заверения в вечной преданности. Спустя два месяца выяснилось, что не только их. Когда Маруся поведала о своем положении молодому отцу, Макс отключил телефон и больше на контакт не вышел. Затерялся в большом городе. Узнать фамилию будущего мужа Маруся, завертевшись в любовном водовороте, как-то и не подумала. Наверняка найти Максима все равно было можно: ведь она знала,

в каком вузе учиться незадачливый Казанова. Вот только какой в этом смысл?

Нельзя сказать, что Маруся так уж убивалась из-за предательства возлюбленного. Если совсем откровенно, как только страсти поутихли и он уехал, любовный угар прошел и туман рассеялся. Но ребенок остался. И самым страшным представлялось сказать об этом маме.

Для Маруси было полной неожиданностью, что мать, при ее взрывном крутом нраве, не стала устраивать скандал. Дочь жалела, а не проклинала. Что ж, говорила, раз так – вырастим. Про аборт даже не упоминала.

Может, все дело было в том, что и сама она поднимала детей без помощи мужа. Когда жив был, пил беспробудно и вряд ли помнил, сколько у него отпрысков и кто они – мальчики или девочки. А потом утонул: в сильном подпитии провалился в прорубь. Марусе тогда было четыре года. Отца она не помнила совершенно.

В памяти осталась только одна сцена. Мама привела маленькую Марусю из детского сада. Открыла двери в большую комнату – «залу», девочка рванулась вперед и споткнулась о чьи-то ноги в серых брюках и черных носках. На пятке – круглая дырка. Маруся едва не свалилась рядом, испугалась, расплакалась. Ноги, разумеется, принадлежали отцу, все остальное находилось тут же. Громко храпящее тело источало отвратительный запах. Пьяный отец не дошел до дивана, свалился посреди комнаты и заснул.

Когда он умер, Ольга Петровна даже вид не делала, что горюет по покойному. Не считала нужным врать ни себе, ни другим. Хотя проводила мужа в последний путь «по-людски», со всеми положенными атрибутами.

Братья и сестра были намного старше Маруси. Когда родилась младшая сестренка, Марии было семь лет, а двойняшкам Михаилу и Матвею – по девять. К тому моменту, когда приключилась Марусина беременность, все они уже были взрослыми, имели семьи, жили отдельно от матери и сильно в ней не нуждались. Может, маме стало одиноко, захотелось снова ощутить свою нужность, незаменимость для маленького человечка?

Как бы то ни было, Ольга Петровна приняла беременность младшей дочери, пусть и неожиданную, и слишком раннюю. Последний учебный год Маруся

доучивалась через пень-колоду. Аттестат ей выдали из жалости, нарисовав в нем вполне приличные оценки по старой памяти, а еще – благодаря маминому авторитету: та заведовала школьной столовой.

Надо сказать, никаких особых упреков Маруся не выслушивала, гонениям не подвергалась. Хотя и показное сочувствие, и перешептывания за спиной, и ехидство, и злорадные улыбочки – всего этого пришлось хлебнуть сполна. Но в основном люди отнеслись к ней сочувственно. Марусю в деревне любили за тихий добрый нрав. Ну и, опять же, никто не стал бы связываться с Ольгой Петровной. Женщина она была решительная, суровая и языкастая.

Рожала семнадцатилетняя Маруся тяжело. Может, врачи в районной больнице что-то напортачили, а может, действительно, таз был узкий, как, пряча глаза, объяснял потом маме врач. Но как бы то ни было, через положенное время Ольга Петровна забрала дочь и внучку домой. Имя ребенку придумала Маруся, и бабушке оно не понравилось. Она никогда не звала внучку «лисьим» именем. Сразу и навсегда переделала в Альку.

Последующий год запомнился Марусе постоянным желанием спать: дочка оказалась на редкость крикливым и беспокойным ребенком. К тому же у Маруси не было молока, а от смесей у малышки постоянно возникали проблемы с кишечником. Только когда Алисе исполнилось года полтора, мать и бабушка вздохнули с облегчением: ребенок стал спать ночами. И решили, что Маруське надо устраивать жизнь, думать о будущем. Точнее, Ольга Петровна решила – как отрезала. В деревне для молодой девушки не предвиделось ни работы, ни перспектив в личном плане.

Маруся уехала в Казань учиться. А до этого полгода со скрипом вспоминала школьную программу, штудировала учебники и бегала с вопросами к учительнице математики Ильмире Зуфаровне. Итогом титанических усилий стало поступление на экономическое отделение сельскохозяйственного института.

Маруся уехала в город, стала жить в общежитии. Училась и подрабатывала, где только могла, потому что мать, к тому времени пенсионерка, деньгами помочь не могла, спасибо еще, за Алиской присматривала. А прожить на одну стипендию – нереально. На личную жизнь ни сил, ни времени уже не хватало, так что вопрос с поиском отца ребенку оставался открытым.

Дочь Маруся видела наездами. Поначалу скучала по ней страшно, рвалась обратно, редела по ночам, но со временем привыкла к такому положению вещей. Окончив вуз, устроилась на работу и собралась забрать Алиску в город, однако мать встала на дыбы. В своей категоричной манере объявила дочери, что нечего ребенку дышать в городе пылью и гарью. В деревне и воздух свежий, и продукты натуральные. Молоко, яйца, мясо, овощи – все свое.

Ольга Петровна и представить себе не могла, как она может остаться без своей Альки. Души во внучке не чаяла. Она вырастила четверых детей, были у нее еще одна внучка и двое внуков, но никому из них она не была так фанатично предана, никого не обожала так исступленно, ни к кому не испытывала такой рвущей душу нежности, как к этой девочке. Ольга Петровна была Алиске матерью в большей степени, чем Маруся. Она лечила ее от ветрянки и гриппа, учила давать сдачи соседским мальчишкам, делала с ней уроки, утешала, когда она ссорилась с лучшей подругой Катей. Разбиралась в ее проблемах, советовала, успокаивала, поддерживала.

В каждый свой приезд Маруся замечала, что хотя дочь и любит маму, но главный человек в ее жизни – бабушка Оля. На вопрос, не хочет ли Алиса жить с мамочкой в большом городе, девочка уклончиво отвечала, что она бы рада, но у нее тут друзья, школа... И обе, конечно, знали, что дело не в этом.

Алиска была живой копией своей бабки. Ее клоном, более молодой версией. Они походили друг на друга не только внешне: крепко сбитая, плотная, с рыжеватыми волосами и крупными чертами лица девочка даже отдаленно не напоминала хрупкую мать или тонкокостного, узколицего, долговязого отца. И не только характером: здесь коса регулярно находила на камень, и бабушка с внучкой страстно скандалили, а потом упоенно мирились. Они были похожи по духу, понимали друг дружку даже не с полуслова – с полувзгляда. В каждом жесте, улыбке, взгляде, в принятых решениях и отношениях внучки с людьми Ольга Петровна узнавала себя.

Словом, разлучать этих двоих оказалось нельзя. Да и удобнее одной в городе – проблем меньше, вынуждена была признать Маруся. И смирилась с таким положением вещей. С годами оно стало казаться единственно верным, возможным и правильным. И незыблемым. Пока этим летом Ольга Петровна не умерла.

Марусино горе не шло ни в какое сравнение с тем отчаянием, в которое пришла Алиса. Вот тут Маруся и осознала, что теперь до конца дней будет расплачиваться за то, что когда-то поддалась (с облегчением, что уж себе врать!) на уговоры матери и предоставила Ольге Петровне самой растить Алиску. Правда заключалась в том, что они с дочерью были чужими людьми. Маруся ничего не знала о том, что творилось в жизни ее ребенка. К тому же Алька обладала тяжелым, колючим характером и находилась в весьма сложном возрасте. Маруся не понимала Алису и даже побаивалась.

А девочка словно мстила ей за бабушкину смерть и свое внезапное голое одиночество. Как будто позабыла, что сама ни за что не соглашалась уехать от бабушки, и раз за разом обвиняла мать в том, что та ее бросила. Перечила во всем, просто из принципа. В лицо заявляла, что Маруся плохая мать. Кукушка. Люто ненавидела Алексея, который раньше ей очень нравился. Но теперь тот факт, что у матери есть близкий человек, а у нее – нет, казался невыносимым. К тому же, наверное, подспудно девочка чувствовала, что Маруся куда сильнее привязана к мужу, чем к дочери.

Да уж, намешано тут было столько, что не разгребешь. Но Маруся верила, что все наладится. Смена обстановки пойдет им на пользу, сблизит. Она видела, что Алисе в Каменном Клыке нравится, и надеялась, что девочка освоится, привыкнет жить с матерью и отчимом, найдет новых друзей. Правда, с учебой было не все ясно: ближайшая школа, как выяснилось, находилась в поселке Радужный, что в десяти километрах от Каменного Клыка. Как раз завтра они собирались поехать туда и выяснить, примут ли Алису.

Ничего, они прорвутся! Маруся не хотела думать о плохом. Она сидела, смотрела в морскую даль и твердо знала, что все будет хорошо. Иначе просто не может быть.

Пока сидела да думала, мешая мечты с воспоминаниями, погода окончательно испортилась. Утро было хмурое, но Маруся надеялась, что к полудню разгуляется. Не разгулялось. Небо заволочло комкастыми тяжелыми тучами, ветер из ласкового стал пронизывающим, трепал волосы, охлаждал открытые плечи и руки. Маруся пожалела, что не догадалась взять с собой теплый свитер: в легких брючках и кофточке без рукавов было неуютно.

Море заволновалось: седые волны, догоняя друг друга, набегали на берег и откатывались назад с сердитым шорохом. Азовское море вообще не отличается

такой яркой, пронзительной синевой, как, например, Черное. Оно выглядит более суровым, даже аскетичным. Обычно бархатисто-серое, с едва заметным бирюзовым оттенком, оно прямо на глазах вдруг потемнело и нахмурилось.

Маруся вздохнула и поднялась. Надо идти домой, не хватало еще замерзнуть и простудиться. Может быть, Леша уже вернулся. Он уехал в Темрюк, а после собирался зайти в местную администрацию. Да и Алиску не мешало бы проведать. Прошептав по обыкновению морю свое «до свидания», Маруся быстро зашагала к дому.

Глава 4

Прежде Алексею никогда не доводилось видеть настолько красивых женщин, как Ирина Афанасьевна Шустовская. Разве что на экране телевизора. Но внешность телезвезд и кинодив – чаще всего результат профессионализма пластических хирургов, косметологов, диетологов, модельеров, гримеров, парикмахеров, операторов и прочих умельцев, занимающихся современным мифотворчеством. Здесь же он своими глазами лицезрел женщину, которая была красива живой, естественной, природной красотой. И это производило сильное впечатление.

Наведавшись в понедельник утром в поселковую администрацию, Алексей ожидал увидеть в кресле главы типичного немолодого чиновника или чиновницу в строгом костюмчике и очках. Столкнувшись с Ириной (так она просила называть себя), он застыл на пороге, разинув рот. Любая фотомодель на ее фоне выглядела бы невзрачной дурнушкой, чего уж говорить об обычных девушках.

Ирина была блондинкой, причем, похоже, натуральной. Интересный разрез больших зеленых глаз, идеальная форма бровей, идеальный рисунок губ, классический нос, аккуратный подбородок, высокий лоб – лицо ее было настолько безупречным, что это казалось почти нереальным. Алексей однажды где-то прочел, что идеальная красота скучна и невыразительна, во внешности настоящей красавицы обязательно должна присутствовать некая неправильность, призванная придать изюминку, добавить индивидуальности. Глядя на Ирину, он понял: это полный бред. Изюминкой этой женщины являлась ее удивительная, уникальная, лишенная малейшего изъяна ослепительная

красота.

Вместо костюма на Шустовской был открытый топ, обнажавший покрытые ровным золотистым загаром плечи, и юбка, не скрывающая длинных стройных ног. Никаких очков не было и в помине, зато уши украшали крупные броские серьги, которые на любой другой женщине смотрелись бы вульгарно, а Ирине необычайно шли, подчеркивая совершенную линию скул.

В довершение всего глава администрации была очень молода. Ирине, как позже выяснилось, было всего двадцать девять лет. К реакции на свою внешность она, видимо, давно привыкла, так что спокойно дождалась, пока Алексей придет в себя, подберет с пола челюсть и вспомнит, зачем пришел.

– Доброе утро, – несколько смущенно поздоровался он. В памяти всплыл образ Маруси, и Алексею стало совестно, словно он только что вылез из постели с любовницей.

К слову сказать, при всем том, что женщинам он нравился и прекрасно об этом знал, жене Алексей не изменял. Почти. Пара-тройка эпизодов «трахотерапии» (словечко из лексикона Олега) не в счет. Романов не заводил не из страха потерять Марусю: он был уверен, что она простила бы, если б и узнала. А просто потому, что не видел в этом особого смысла. Может, был чересчур рационален и даже ленив. Зачем обременять себя негативом, враньем, скандалами, слезами, упреками? К чему лишние муки совести? Ради чего? В сущности, большинство женщин предсказуемы и однообразны. По крайней мере, таковы были многочисленные подруги, прошедшие через его холостяцкую жизнь.

– Здравствуйте, Алексей. Я так и думала, что вы сегодня к нам заглянете, – обворожительно улыбнулась Ирина.

– Как вы догадались, кто я? – удивленно спросил он.

– Ну, это несложно. Поселок у нас маленький, немногим более ста пятидесяти жителей. Разумеется, я всех прекрасно знаю. У нас вообще все друг друга знают, мы живем очень сплоченно. И когда на пороге появляется незнакомец, без труда можно понять, что это и есть наш новый сосед. Что касается имени, тут тоже просто. Вадим Дубцов, риелтор, был здесь на прошлой неделе и рассказал, что дом на Приморской купила семья. Вадим занимается недвижимостью в

Каменном Клыке, все покупки-продажи идут через него. Как видите, ничего необычного. Давайте знакомиться?

Она обогнула стол и подошла к нему, протянув руку. От этого прикосновения по телу прошла тягучая сладкая волна, во рту мгновенно стало сухо. В Ирининых глазах промелькнула едва заметная понимающая усмешка. Аромат ее духов был чуть сладковатым, одурманивающим, как и она сама. Пожалуй, это скорее вечерний парфюм, однако ей этот аромат, несомненно, очень шел.

– Присаживайтесь, – предложила Ирина, опускаясь на диван. Алексей повиновался, однако предпочел выбрать стоявшее рядом кресло. Ирина снова усмехнулась – уже более откровенно. – Вашу жену зовут Мариной?

– Да, но я называю ее Марусей.

– Как мило. Сколько лет вашей дочери? – продолжала расспрашивать Ирина.

– Вообще-то Алиса – дочь Маруси, – зачем-то поведал Алексей.

В глазах Ирины что-то промелькнуло – Алексей не успел уловить, что именно. Она одобрительно улыбнулась и заметила:

– А вы молодец. Не всякий мужчина сумеет принять и растить чужого ребенка как своего.

– Если любишь женщину, любишь и ее ребенка, – отрывисто бросил Алексей, раздраженный и собственным неуместным откровением, и еще больше незаслуженной похвалой, в которой ему почудилась скрытая издевка. Ирина чутко уловила его настроение и предпочла сменить тему. Деловито перечислила документы, которые следовало предоставить в поселковую администрацию, назвала сумму обязательных взносов, прояснила все вопросы, касающиеся коммунальных платежей.

Прощание получилось неловким. Внешняя притягательность Ирины была настолько выразительна, что появлялось навязчивое желание любые ее жест и слово трактовать как приглашение к дальнейшему, более плотному знакомству. В планы Алексея совершенно не входили роман и тем более новые отношения,

хотя ему показалось (понравилось так думать?), что Ирина не будет против.

Алексей ушел слишком поспешно. Можно сказать, «ретирировался». Однако, когда он спускался по ступенькам, Ирина окликнула его.

- Алексей! Чуть не забыла! - Она стояла на верхней ступеньке, он - на нижней. - У нас в Каменном Клыке есть давняя традиция: тридцать первого октября мы устраиваем Осенний бал. Вы, разумеется, приглашены. Ждем вас с женой и дочкой.

- Тридцать первого октября? Это же Хеллоуин, - удивился Алексей.

- Мы не признаем этот праздник, - отрезала Ирина, - глупое нововведение, чуждое российской культуре. Как и Валентинов день. Так что не забудьте!

- Но...

- Никаких «но»! Отказы не принимаются! - Ирина смягчила некоторую резкость своих слов очаровательной улыбкой, изящно развернулась и скрылась в своем кабинете.

Не вполне придя в себя после утренней встречи, Алексей приехал домой и сразу занялся делами. Требовалось немного поколдовать с проводкой: в кабинете постоянно мигала лампочка, и это моргание действовало на нервы. Монотонная работа успокаивала, и постепенно к нему вернулась способность мыслить рационально и хладнокровно. Что это он в самом деле раскис, как подросток? Слюни распустил. Ну, красивая. Ну, сексуальная (умопомрачительно сексуальная). Да мало ли таких? Что ему за дело до нее? К тому же у такой женщины наверняка кто-то есть. Не может не быть. От этой мысли стало одновременно и лучше, и хуже. С одной стороны, накатило облегчение, с другой - подступило что-то, похожее на ревность.

С досады он неосторожно ткнул куда-то рукой, и его легонько дернуло током.

- Черт! - громко выругался Алексей.

– Привет! – радостно сказала неслышно подошедшая сзади Маруся. – Ты, оказывается, уже дома? А я к морю ходила.

– Оказывается, дома, – буркнул Алексей и посмотрел на жену. Ему всегда нравилось смотреть на нее. Тонкая, гибкая, нежная и хрупкая. Очень хорошенькая. В Марусе всегда были манящая беззащитность, трогательная ранимость и детскость. Алексей сразу обратил на это внимание, когда они только познакомились. С первых минут эта женщина вызвала в нем желание утешить, защитить, прикрыть, заступиться.

Его фирма делала ремонт в садике, где работала Маруся. Он пришел в бухгалтерию утрясти кое-какие вопросы. Так и встретились. Поначалу она не доверяла ему, показывала шипы. Позже он понял причину ее недоверчивости. Но Алексей никогда не искал легких путей, препятствия только разжигали решимость их преодолеть, и уже спустя пару месяцев Маруся переехала к нему.

Он ни разу не пожалел об этом – это была целиком и полностью «его» женщина. Женственная, добрая, мягкая, уступчивая, терпеливая, кроткая. Слишком бойкие, излишне самостоятельные дамочки его не привлекали. Может, даже немного пугали. И уж, конечно, он не потерпел бы, чтобы женщина рядом с ним превосходила его умом.

Хотя, признаться, Алексей всегда относился к Марусе отчасти снисходительно. Как к существу милому и любимому, но, несомненно, стоящему чуть ниже на ступени. Куда вели ступени, что это вообще за лестница такая, он и сам не знал, и если бы кто-то сказал ему, что Алексей считает себя лучше Маруси, он бы гневно опроверг такое утверждение. И все же... Это было что угодно: страсть, любовь, привязанность, влечение, доверие, но не отношение равного к равному.

Впрочем, это все были дебри, в которые Алексей, как любой нормальный мужик, предпочитал не лезть. Просто принимал как данность. Появление Алисы посеяло смятение в душе, но, в общем-то, добавило уверенности, что он хочет быть только с Марусей. Втайне, не говоря ей, он решил сделать официальное предложение этой зимой. Точнее, под Новый год. И представлял, как обрадуется Маруся.

Сейчас она стояла перед ним, и, наверное, впервые в жизни он подумал, что было бы, окажись на ее месте другая женщина. Например, красотка Ирина

Шустовская. Алексей немного растерялся и оттого разозлился.

– Что ты вечно к морю бегаешь? – грубо спросил он. – Надеешься алые паруса на горизонте разглядеть? Ассоль! Лучше бы обед приготовила. Есть хочу, умираю.

Маруся растерянности мужа не заметила, а вот на грубость слегка обиделась. Тем более что это было несправедливо.

– Я уже давно все приготовила, – прохладно ответила она, – а к морю хожу, потому что нравится. Ты же сам хотел, чтобы мне тут понравилось.

В голосе жены прозвучал некоторый вызов, что было для нее необычно. Это охладило Алексея, и он слегка извиняющимся тоном поинтересовался:

– Что сварила? – Алексей знал, что Маруся обожает готовить и рассказывать, что именно приготовила. Это сработало, жена мигом перестала дуться. Ее легкость и отходчивость всегда ему нравились.

– Салат сделала, с курицей, помидорами, сладким перцем и брынзой. Хлеб испекла, мы с Алиской пол-утра с хлебопечкой разбирались. У меня же раньше не было. А еще красный суп сварила. Со свеклой.

У Марульки была смешная привычка называть супы по цветам. Имелось три вида супов: белые – например, куриный, с фрикадельками, рисовый. Желтые – это рассольник, харчо, щи или солянка. И красные – томатный или борщ. Помимо цвета, Маруся обычно еще уточняла: «желтый с капустой» на человеческом языке обозначало щи, а «красный с помидорами» – томатный суп-пюре. Сегодня она имела в виду, что приготовила борщ.

Странно, но вдруг Марулькина привычка, которая обычно казалась Алексею смешной странностью, вызвала непонятное глухое раздражение.

«Идиотизм какой-то. Деревенщина. Неужели нельзя говорить, как все нормальные люди!» – пронеслось в голове. Он еле удержался, чтобы не произнести это вслух, и сквозь зубы обронил:

– Ладно, ты иди пока. Закончу – тоже приду.

– Хорошо, – покладисто согласилась Маруся, – а ты еще долго будешь?

– Нет, – коротко ответил Алексей, всем своим видом давая понять, что мешать ему не следует. Маруся, как обычно, угадала его настроение и тихо удалилась. Но и ее понятливая тактичность сегодня пришлось не ко двору.

Борщ был исключительный, как и все остальное. Маруся отличная хозяйка, ничего не скажешь. Наслаждаясь вкусом еды, Алексей испытывал легкие угрызения совести за свои недавние мысли. Маруся держалась настороженно: чувствовала, что муж не в духе, но не могла уловить причину.

– Алиска где? Почему не обедает? – спросил он, чтобы не молчать.

– Поела уже. За ней девочка зашла, соседка. Надей зовут. На днях познакомились. И они ушли куда-то, – пояснила жена. Когда она говорила о дочери, голос ее всегда звучал слегка испуганно. Маруся боялась и проявлений Алискиного непростого нрава, и реакции Алексея. Метаться между двух огней нелегко, оставалось только надеяться, что со временем острота ситуации сгладится.

– Хорошо, что подружка появилась, – одобрительно отозвался Алексей, и Маруся заметно расслабилась, затараторила что-то про необходимость общения, подростковую дружбу, воспитание девочек. Хотя что она-то может знать об этом воспитании?

К вечеру напряжение немного спало. Алексей с головой ушел в планирование летнего кафе: они решили все-таки именно его устроить на заднем дворе, а не бассейн. Маруся великолепно готовит, это надо использовать в свою пользу. Еще один источник дохода не помешает. Нужно поставить несколько столиков (неприменно деревянных, это же не вульгарная «стограмошная»), сделать крытую веранду с мангалом и летней кухней. Шашлыки он и сам сумеет пожарить. Или можно будет кого-то нанять.

Маруся возилась в гостиной с пледом, она накупила разноцветной пряжи и теперь увлеченно вязала. Зимой будет очень уютно закутаться в яркий пестрый плед и дремать. Согреть тело, отогреваясь душой. Маруся считала, что вещи, сделанные собственными руками, помнят и хранят тепло и заботу этих самых рук.

Алиска сидела в своей комнате. Что делала, неизвестно. Слышно было разноголосое бормотание, временами звучала музыка. То ли телевизор, то ли компьютер. Маруся несколько раз порывалась заглянуть в комнату дочери, но дверь была заперта изнутри, а подходящего предлога, чтобы постучаться, не находилось. Просто так, безо всякого повода, постучать, зайти и спросить у дочки, как дела, узнать, чем она занимается, мать не решалась. Боялась нарваться на очередную грубость и резкий тон. Поэтому тихонько вздыхала и снова бралась за свое рукоделие.

Утреннее радостное Марусино настроение не пропало бесследно, но как-то сжалось, потускнело. Это ничего – нормальный человек не может круглосуточно пребывать в состоянии счастливого возбуждения. Спокойствие куда более естественно. Однако прислушавшись к себе, Маруся поняла, что она вовсе не спокойна. Скорее выжидает, прислушивается к чему-то.

К чему тут можно прислушиваться? Обычная, чуточку скучноватая, пресная жизнь маленького поселка. В местах, привыкших принимать, пропускать через себя потоки гостей-чужаков, жизнь в межсезонье замирает. Становится вялой, тягучей, апатичной. Неживой. Немного зловещей, пожалуй. Оттого и возникает странное настроение, когда глубоко внутри, за несколькими слоями показного спокойствия и умиротворения, прячется опасливое ожидание.

Фу, что за глупости лезут в голову?! Ничего зловещего, никаких опасений! Она резко дернула нить, и та порвалась. Маруся недовольно фыркнула, злясь на себя. Алексей поднял голову от бумаг и вдруг сказал:

– Маруся, я тебя люблю, – и, глядя на ее изумленное лицо (муж нечасто позволял себе подобные изъяснения чувств), добавил: – хочешь, давай ребенка родим? Бросай свои дурацкие таблетки.

Повисла пауза. Тишина сгустилась и набрякла. Губы у Маруси задрожали, в лице появилось что-то отчаянное, невыразимое. Она посмотрела на Алексея взглядом, который, как позже выяснилось, он запомнил навсегда, и ничего не ответила. Но он и так все понял. Подошел к жене, обнял и прижал к себе. Маруся прильнула к нему, по щекам текли немые слезы.

Она-то знала, что он все понял неправильно.

Глава 5

Во вторник, как и собирались, отправились в Радужный, договориться насчет Алискиного обучения. Все прошло на удивление гладко. Директриса оказалась приятной улыбчивой женщиной за пятьдесят. Школа – двухэтажное аккуратное здание из светлого кирпича – была похожа на ту деревенскую, куда ходила Маруся, а вслед за ней – Алиса. «Родным повеяло», – с легкой усмешкой сказал Алексей.

Директриса внимательно изучила Алискины документы, благосклонно покивала, глядя на ровные ряды пятерок-четверок, и сказала, что с радостью примет девочку в школу. И ничего страшного, что в середине четверти – наверстает. Договорились, что Алиса приступит к обучению со следующей недели, раньше не получится, нужно утрясти кое-какие формальности.

Выяснилась приятная деталь: оказывается, родители детей, которые жили в Каменном Клыке, пользовались мини-автобусом, который привозил и отвозил детей на учебу. Нужно было только позвонить некоей Варваре Валерьевне (директриса дала ее телефон), которая занималась этим вопросом. Следовало обо всем с ней договориться и внести ежемесячную плату.

Домой ехали в приподнятом настроении. Маруся связалась с Варварой Валерьевной, и та попросила их подъехать к ней домой, познакомиться и обговорить детали. Жила она на улице Ягодной, и Маруся пообещала, что они подъедут в течение часа. Однако немного опоздали. Разгоряченный хорошими новостями, Алексей заболтался с Марусей и свернул не в ту сторону. В Каменный Клык вели две дороги, соответственно, имелись два въезда-выезда. Местные называли их Восточным и Западным и чаще пользовались первым. Сегодня, перепутав повороты, Алексей направил «Опель» другой дорогой, которая вела к Западному выезду и, как выяснилось, проходила вдоль кладбища.

Риелтор, помнится, говорил, что в нескольких километрах от поселка имеется погост, и теперь новоселы увидели его собственными глазами. Обнесенное голубой металлической оградой кладбище располагалось на ровном обширном участке, по большей части – открытом, лишь кое-где засаженном деревьями. Правда, в задней части погоста деревья росли куда гуще. Можно сказать, там

был настоящий лесок. Скорее всего, решил Алексей, в той части кладбища пока не хоронят.

– Какое большое! – присвистнула Алиска.

– Ничего удивительного, это ведь старинный поселок, – пожала плечами Маруся, – наверняка несколько поколений здесь лежат.

– Интересно, нас тоже тут похоронят? – неожиданно выдала девочка. Она с интересом уставилась в окно, провожая глазами кресты и надгробия.

Маруся и Алексей переглянулись.

– Если останемся здесь жить, то наверное. Думаю, всех местных здесь хоронят. – Алексей старался говорить спокойно. Конечно, тема смерти столь же естественна, как и тема рождения, но вопрос Алисы почему-то вызвал у него неприятное чувство. К чему вообще заводить такие разговоры?

– Ребята, по-моему, нам всем еще рано думать о смерти, давайте лучше подумаем, когда поедем затовариваться всякими ручками-тетрадками. Алиска, тебе столько всего нужно! – Маруся попыталась перевести беседу в более жизнерадостное русло, но у нее ничего не вышло. Дочь упорно не желала слезать с выбранной тематики.

– Умирать всегда рано, – отмахнулась она от слов матери, – потому что не хочется. Бабушке даже шестьдесят пять не исполнилось, а она взяла и умерла. Вон сколько крестов! Получается, они все здесь крещеные?

– Получается, так, – осторожно ответила Маруся. Она уже не знала, чего в следующую минуту ждать от дочери.

– Где же тогда церковь? – вполне логично поинтересовалась та.

А ведь и правда. Возле сельских кладбищ почти всегда есть церкви или мечети, как у них, в Татарстане. Или же храмы имеются в деревне, поселке. В последние десятилетия, когда религия снова вошла в моду, в большинстве поселений отстроили-отреставрировали культовые сооружения, и народ охотно ходил туда

приобщаться к вере. Или заключать сделки со Всевышним. «Боже, помоги мне получить права (развить бизнес, взять кредит, выйти замуж...), а я обещаю постараться в будущем году грешить поменьше. Или хотя бы регулярно каяться».

Но в Каменном Клыке и его окрестностях церквей не наблюдалось. Алексей уже успел объехать поселок и прилегающие территории вдоль и поперек и точно это знал. Впрочем, им какая разница, есть или нет? Не сильно-то они и набожные.

– Видимо, нет церкви. Тебе она зачем? Молиться все равно бы не пошла, – заметил Алексей.

– Может, пошла бы, – огрызнулась Алиса и поджала губы.

«Ну, вылитая бабушка», – подумала Маруся, разглядывая дочь в зеркале заднего вида.

Остаток пути молчали. Алиска – недовольно, Маруся – с головой уйдя в воспоминания. Алексей думал о том, что больше этой дорогой ни за что не поедет. Вид кладбищ всегда навевал на него тоску.

Варвара Валерьевна жила в огромном доме, выкрашенном в дикий розовый цвет. Архитектура была под стать цвету: банальная и пошловатая. Все эти башенки, мансарды, узорчатые карнизы – апофеоз безвкусицы, но следовало признать, что постройка добротная, что называется, на века, и смотрится трехэтажный особняк внушительно.

Хозяйка выбежала к гостям с такой радостной улыбкой, как будто после долгой разлуки прибыли ее родственники или близкие друзья. Она расцеловалась с Марусей в обе щеки («Какая вы хорошенькая, мы обязательно будем подругами!»), энергично пожала руку Алексею («Пожалуйста, называйте меня просто Варей»), ласково потрепала по плечу Алиску («Будете с моим Виталиком вместе в школу ездить») и предложила перейти на «ты».

Это была довольно высокая, чуть полноватая женщина лет тридцати – тридцати пяти, большеглазая, черноволосая, с румяным круглым лицом и симпатичными ямочками на тугих щечках. Ладная, округлая, сдобная, статью она напоминала какую-нибудь казачку из фильма «Тихий Дон».

Варвара повела гостей в дом, без умолку треща на ходу. Алексея она быстро утомила, он не любил болтливых женщин, а вот Маруся, похоже, была в восторге от новой знакомой. Та, как выяснилось, тоже обожала готовить, а на досуге рукодельничала.

Убранство дома, как ни странно, было выдержано в едином стиле, лаконичном и даже изысканном. Такое впечатление, что строил дом один человек, а внутренней отделкой занимался другой. Как выяснилось, так на самом деле и было. Варя при первой же встрече, за чаем с домашней выпечкой, вывалила все подробности.

– Дом мой первый муж строил, царствие ему небесное. Потом я вышла замуж за Валика. Он как-то приехал сюда отдохнуть, остановился у меня, ну и... Сами понимаете. Любовь и все такое, – как девчонка, хихикнула Варя. – У него жена осталась в Москве, он развелся и вернулся сюда, ко мне. Виталик родился, он у нас в десятом классе учится, сейчас как раз в школе. Валик все тут перекроил по-своему, он у меня дизайном увлекается. Многим в Каменном Клыке интерьеры делал, – гордо сказала она.

– А гостей где размещаете? – поинтересовалась Маруся и от души похвалила шоколадное печенье, которое таяло во рту.

– Это мой фирменный рецепт, я тебя потом научу, – довольно улыбнулась Варя. – А гостиницу мы уже не держим. Раньше, когда с первым мужем жила, держали. А теперь нет. Вадик дизайном подрабатывает, пиццерию открыли. «Супер-пицца» называется. Видели, наверное, в центре.

Все трое горячо подтвердили, что видели и что пицца – действительно супер. Варя охотно рассказывала о подробностях здешней жизни. По ее словам выходило, что детей в поселке не так много. В садик малышей никто не водит, родители сами справляются. Да и не имеется в Каменном Клыке садика, а возить куда-то, в тот же Радужный, смысла нет. Другое дело школа.

– Ириночка Афанасьевна, наша глава, дай ей бог здоровья, золотая просто! Вы с ней уже знакомы? – частила Варя. – Выделила деньги, купила автобус, и уже сколько лет – благодать! Не надо голову ломать! Прямо из центра, от администрации, утром автобус отходит, и родители спокойны. Детей отвезут-привезут. И цена божеская.

Варя назвала сумму. Правда, скромная цена за такой несомненный комфорт. Маруся заметила, что при упоминании «золотой» главы администрации Алексей странно дернул подбородком. Надо будет приглядеться, что это за чудо такое, ювелирное.

Варвара между тем продолжала сыпать историями из жизни поселка. Рассказывала, кто где живет, кто чем занимается. Повела о ценах, порядках, о традиции праздновать Осенний бал в Хеллоуин. Алексей быстро потерял нить разговора и слушал, навесив на лицо вежливую улыбку, старательно подавляя зевок. Алиска налегала на печенье и кексы. И только Марусю, похоже, все это живо интересовало. Про Осенний бал она слышала впервые.

– Вас разве еще не пригласили? – удивилась Варя и бросила беглый взгляд на Алексея.

– Нет, – протянула Маруся.

– Вообще-то пригласили, – неохотно ответил Алексей, – просто забыл тебе сказать.

Маруся укоризненно посмотрела на мужа.

– Мужчины! – понимающе вздохнула Варя. – Вам обязательно понравится наш праздник. Бывает очень весело.

– Не сомневаюсь, – улыбнулась Маруся, – мне вообще все здесь нравится.

Они поболтали еще минут десять и уже собрались уходить, когда в комнату вошел высокий худощавый мужчина. У него были светлые глаза, впалые щеки и короткие темные волосы с благородной проседью. Мужчина заметно сутулился, как и многие люди немалого роста.

– Не знал, что у нас гости, – произнес он глуховатым голосом.

Варя резво вскочила со стула и чуть не вприпрыжку подбежала к мужу. Чмокнула в губы, ничуть не стесняясь посторонних, и сказала:

– А вот и Валик! Валик, это новенькие, с Приморской! Я вас сейчас познакомлю.

Она принялась по очереди называть их имена. Валик вежливо, но сдержанно приветствовал гостей, наклоняясь вперед и бережно пожимая каждому руку. Здороваясь с хозяином дома, Алексей испытал странное чувство. Ему вдруг показалось, что он знает этого человека. Его лицо, сутулость, манера здороваться, голос... Где-то он уже все это видел. Но вот где? Вспомнить никак не удавалось. К слову сказать, Валик тоже пару раз странно на него посмотрел. Изучающе, серьезно и вместе с тем воровато. Спешил быстрее отвести взгляд.

– Извините, мы с вами раньше не встречались? Такое знакомое лицо, – не выдержал Алексей.

– Не думаю, – покачал головой Валик, – вы из какого города?

– Из Казани. А вы, я знаю, москвич.

– Москвич, – подтвердил Валик, – и в Казани, кстати, я пару раз бывал, но давно. И вас точно не видел, – он улыбнулся удивительно открытой и приятной улыбкой.

– Наверное, просто похож на кого-то, – предположила Варя и принялась рассказывать очередную байку. На этот раз – про похожих друг на друга людей. Потом поговорили о типажах лиц, плавно перешли на детей. Вырваться от словоохотливой гостеприимной Вари было не так-то просто. Спасло то, что Валик деликатно намекнул, что не прочь пообедать. Гости тут же вскочили и засобирались домой: тут не до них. Покормить вернувшегося с работы мужа – святой долг каждой уважающей себя жены. Прощались бурно, обещая общаться, дружить и чаще забегать друг к другу в гости.

Уже поздно вечером, укладываясь спать, Алексей вспомнил, где видел Валика. Точнее, вспомнил, на кого тот похож. Варя была права: Валик просто очень напоминал Алексею отцовского приятеля, бывшего однокурсника, который уехал из Казани то ли в Питер, то ли в Москву. Имени его Алексей не помнил, видел всего однажды, когда тот приехал на отцовский юбилей. Десятилетнему Леше мужчина запомнился благодаря подарку, который привез мальчишке: это была не какая-то глупая игрушка, а великолепный, настоящий взрослый бинокль в шикарном кожаном футляре. Разумеется, щедрый даритель из далекого детства

и сегодняшней Валик были разными людьми. Отцовскому приятелю сегодня должно быть не меньше восьмидесяти лет.

Алексей успокоился. Он терпеть не мог, когда забывал что-либо, будь то название фильма или имя известного артиста. Мучился до тех пор, пока не удавалось-таки вспомнить. Сердился на себя, но не мог перестать копаться в архивах памяти. Слава богу, в этот раз дело ограничилось одним днем. А однажды Алексей почти целую неделю пытался вспомнить имя популярного голливудского актера. Помнил эпизоды, сцены из фильмов, где тот снимался, лицо его издевательски стояло перед внутренним взором, но ни названий или сюжетов фильмов, ни имени вспомнить не удавалось. В итоге однажды утром, сразу после пробуждения, в голове всплыло – Джон Траволта! Мука закончилась.

В четверг они ездили в Радужный, за покупками для Алисы. Приобрели сумку, пенал, кучу авторучек и карандашей, тонкие и толстые тетради, дневник, обложки, ластик и прочую дребедень. А еще – спортивную форму, школьную юбку и жилет (как велела директриса), три красивые блузки светлых оттенков и две пары туфель. Венчал все это красивый дорожный блокнот-ежедневник в кожаном переплете. Зачем он понадобился Алиске, неизвестно. Скорее всего, просто понравился. Но Маруся открыла кошелек и купила ежедневник без разговоров. Она стремилась во всем угодить дочери. Выторговывала спокойное существование: лишь бы та не провоцировала конфликтов. Маленькая негодяйка давно это поняла и беззастенчиво пользовалась.

Дома Алиска сразу унеслась в свою комнату разбирать покупки. Маруся подошла к Алексею, прижалась лбом к его груди. Постояла так минутку, потом подняла голову и негромко спросила, косясь на дверь в детскую:

– Хорошо, что она пойдет в школу, да?

– Да, – согласился Алексей.

– Друзья появятся, заботы... Отвлечется, времени свободного не останется на всякую дурь. Может, в кружок какой-то захочет ходить. Или секцию. Знаешь, она ведь хорошо рисует.

– Правда? – безразлично спросил он. – Что ж, если захочет куда-то пойти заниматься, здорово будет.

– Удачно все купили, как думаешь? – Маруся часто спрашивала об очевидных вещах, и Алексея это удивляло или раздражало, в зависимости от расположения духа.

– Конечно, удачно, малыш, – покладисто ответил он. Сегодня у него было хорошее настроение.

Алиса тем временем перемерила по очереди свои туфельки, все три блузки с новой формой, повертелась перед зеркалом и осталась довольна собой. С новыми одноклассниками надо знакомиться во всеоружии. Пусть видят, что она не какая-то колхозница. А очень даже красивая современная девушка.

Покончив с примеркой, Алиса аккуратно уложила в новую сумку дневник, тетрадки, пенал с карандашами и авторучками. Учебники обещали выдать в школьной библиотеке. Потом, конечно, в сумке образуется каша из обрывков бумаг, тетрадных листков, смятых рваных обложек, исписанных ручек и обломков карандашей без грифеля, но первые пару дней Алиса будет ревностно следить за порядком. Новенький, приятно пахнущий блокнот девочка тоже засунула в сумку, полюбовавшись им и в который раз бегло пролистнув гляцевые плотные странички. Его можно было и не брать в школу, но Алиса решила взять. Вдруг пригодится.

Аккуратно застегнув молнию, она поставила сумку возле стола и еще раз с удовольствием окинула ее взглядом. Сумка была очень красивая и модная. Потом девочка улеглась на кровать и принялась фантазировать, как пройдет ее первый день в новой школе. Алисе очень хотелось, чтобы выходные быстрее закончились и наступил понедельник.

Глава 6

Суббота началась как обычно: пробуждение, умывание, завтрак. Алексей встал с кровати, когда было почти одиннадцать, Алиска проснулась и того позже. Маруся, ранняя пташка, испекла блинчики, достала сгущенку и джем, заварила кофе. Солнце за окном светило так отчаянно, что казалось, на дворе разгар лета и можно пойти на пляж, нырять и плавать до посинения, а потом валяться на

горячем песке, впитывая в себя благодатную лучистую энергию.

Алексей сидел за столом, прихлебывал густой ароматный напиток, ел горячие золотистые блинчики и читал книгу. Никак не мог избавиться от этой привычки: знал, что читать за едой вредно, но ничего не мог с собой поделать. Без чтения еда казалась безвкусной, а сама трапеза – скучной, не приносящей удовольствия. Маруся поначалу выказывала слабое недовольство, жаловалась, что он отгораживается от нее книгами, но постепенно поняла, что не в силах это переломить.

Сегодня он читал новый роман Питера Джеймса, который купил несколько дней назад в соседнем прибрежном поселке под названием Ракушка. Алексей съездил туда по совету дизайнера Валика, чтобы присмотреть строительные материалы для летнего кафе. Валик сказал, там дешевле, чем где-либо. Так и оказалось. Алексей посмотрел, выбрал что надо, приценился, договорился о доставке и, довольный собой, прошелся по соседним магазинчикам.

В поселке Ракушка оказался весьма приличный книжный магазин «Книгочей» с богатым выбором литературы на любой вкус. Хозяин, Сергей Сергеевич Наумов, сам страстный книгоман, найдя родственную душу в лице нового покупателя, долго рассказывал о новинках, катастрофически, поголовно нечитающем населении, сложностях ведения бизнеса в таких непростых условиях, а напоследок подарил дисконтную карту. Алексей, нагруженный книгами, клятвенно заверил, что «Книгочей» приобрел в его лице постоянного клиента. Расстались с Сергеем Сергеевичем почти друзьями. Тот обещал звонить и сообщать о пополнении ассортимента.

И вот теперь Алексей (иногда даже в ущерб домашним делам) жадно поглощал приобретенные книги. Читал он быстро, полностью погружаясь в атмосферу повествования и подчас слабо реагируя на происходящее в реальности. В то субботнее утро Алексей тоже выпал из жизни, получая огромное удовольствие от блинчиков, кофе и захватывающего сюжета признанного мастера остросюжетной прозы. Когда он «вынырнул», спор был в самом разгаре. Как позже рассказала ему заплаканная Маруся, все началось вполне невинно. Но все знают, как это бывает: слово за слово, и понеслось...

Мать спросила, чем дочка собирается сегодня заняться. Та ответила, что пойдет с соседкой Надей Сыроевой в центр. Опять с Надей. При ближайшем рассмотрении эта девушка не слишком понравилась Марусе. Она была на два-

три года старше Алисы, заочно училась в каком-то техникуме и постоянно околачивалась дома. Облик Сыроевой вызывал у Маруси скрытое бешенство: нахально-туповатая мордашка с густо подведенными глазами, осветленные кудри, визгливый смех, татуировка на плече в виде бутона розы и сердечка, привычка носить вызывающе короткие юбки с полными карманами семечек – наверняка курит и после «зажевывает», и выводящая из себя привычка тянуть слова. «Здра-а-асть» вместо нормального «здравствуйте». Несколько раз Маруся слышала, как девчонка виртуозно материлась. Маруся считала Надю бездельницей, лентяйкой, ограниченной девицей – словом, совершенно не подходящей компанией для Алисы.

Ничего такого вслух Маруся, разумеется, не произнесла. Она мягко напомнила, что до школы осталось только два дня. Не стоит ли полистать учебники, порешать какие-то примеры или задачки – мало ли, вдруг в новой школе требования к ученикам выше, чем в той, смоляновской. Упаси бог, скатишься на тройки. Миролюбиво сказала, доброжелательно, безо всякой издевки, рыдала потом Маруся. Да и не умела она подковыривать. Но Алиска вспыхнула и ощетинилась. В словах матери ей почудилось что угодно, но только не искреннее участие и забота.

– Не надо мне указывать, как учиться, – заявила Алиска, – тебя никогда не волновало, какие у меня отметки, нечего прикидываться!

– Что значит «не волновало»? – возмутилась Маруся, отставив чашку с кофе в сторону. – Очень даже волновало!

– Решила наверстать упущенное? – не слушая мать, продолжила Алиса. – Будешь разыгрывать из себя строгую мамашу, уроки начнешь проверять? Скажи уж сразу, тебе просто Надька не нравится! Я сразу заметила, как ты на нее пялишься!

– Ничего я не пялюсь! При чем тут вообще эта Надя? Мы о тебе говорим!

– А при том! – Алиса говорила все громче, и Алексей наконец оторвался от чтения, недовольно хмурясь и пытаясь разобраться, из-за чего весь сыр-бор. – При том! Надька раскованная, делает что нравится! А тебе надо, чтобы все по струнке ходило! Котлеты твои жрали и нахваливали! Пледики вязали! Плиту вылизывали! А я не хочу! И не буду!

– Я никого не заставляю есть и... вязать, – обескураженно отбивалась Маруся. Мысль, что ее, всю жизнь стремящуюся подстроиться, угодить, помочь, собственная дочь считает кем-то вроде домашнего тирана, никак не укладывалась в голове.

– Тоже мне, святоша! – в полный голос быстро говорила Алиска. Щеки ее покраснелись, глаза сердито сверкали. – Я себе друзей сама буду выбирать. Ты мне не указ! А этот, – она мотнула головой в сторону Алексея, – тем более.

– Полегче на поворотах, Алиса! – вмешался Алексей.

Но девочка не собиралась сдерживаться. По-видимому, несколько дней затишья не прошли даром: энергия требовала выхода.

– Ага, не нравится? Вот и мне тоже не нравится, что вы мне постоянно указываете. А Надька...

– Твоя Надя – вульгарная шалава, – не сдержалась Маруся, – хочешь стать на нее похожей?

– Кто бы говорил! Мне, между прочим, и без Надьки есть в кого быть шалавой! На себя посмотри! Ребенка нагуляла, родила за партой, а туда же, мораль читает!

Стало тихо. Алиса, похоже, сама от себя не ожидала таких слов. Выкрикнула – и испугалась. Застыла на стуле. Маруся вздрогнула, словно ее ударили, побледнела, закусила губу. Глаза ее наполнились слезами, она хотела что-то сказать и не смогла. Встала и выбежала из комнаты.

Алиса и Алексей остались одни. Наверное, ему не хватило опыта, такта или педагогической сноровки. Скорее всего, это был тот самый момент, когда можно было развернуть в свою пользу сложившуюся у них в семье непростую ситуацию. Нужно было заставить Алису в полной мере ощутить чудовищную недопустимость таких слов, заставить пожалеть о них, напомнить, что матери пришлось несладко в жизни; она ошибалась, но очень любит дочь и хочет стать ей другом... Тем более Алиса и сама уже пожалела о своей вспышке.

Но Алексей повел себя так, как ведет себя мужчина, женщину которого обидели.

– Ты что себе позволяешь, дрянь? – процедил он. – Кто ты такая, чтоб судить мать? Она из кожи вон лезет, лишь бы тебе угодить. Имей в виду, я такого в своем доме терпеть не намерен!

Он говорил жестко и зло, не делая скидки на возраст, не задумываясь, как смягчить удар, скорее наоборот. Алиса отреагировала ожидаемо. Раскаяние и растерянность были отброшены и забыты, снова поднял голову гнев, девочка вскочила на ноги и завопила:

– Да знаю я, что вам обоим на фиг не нужна! Лицемеры проклятые! Только и думаете, как бы от меня избавиться! Я вам чужая! «В своем доме!» – яростно передразнила она. – Конечно, в твоём! Извини, что дышу здесь твоим воздухом! Что живу здесь! Мать как собачонка за тобой бегаёт, на все готова, лишь бы её покормили и погладили, а я не буду! Я... Да пошли вы оба!

Маруся из соседней комнаты слышала яростные крики дочери. Она сидела на кровати в спальне и плакала, никак не могла остановиться. Алиса выкрикивала страшные, беспощадные, несправедливые слова, и каждое из них кнутом било Марусю по оголенным нервам. А потом с грохотом хлопнула дверь, и послышались торопливые удаляющиеся шаги. Алиска куда-то умчалась. Наверное, к своей Надьке, будь она неладна.

Через минуту в спальню зашел муж.

– Что ты ей сказал? – Маруся смотрела на него, и лицо у нее было сморщенное, жалкое, в ярких красных пятнах.

– А что я мог сказать? – сердито и вместе с тем растерянно ответил Алексей. Он не ожидал такой вспышки Алисиной ненависти. Его словно обожгло горячей волной. – Приструнить хотел. Сказал, нельзя так с матерью говорить. А она...

– Я слышала, – грустно перебила Маруся, – она ушла?

Алексей кивнул и сел рядом с женой.

– Вернется, никуда не денется. Куда тут бежать-то?

– Знаю, что вернется, но... Может, пойти поискать? – нерешительно предложила Маруся.

– Да-да, иди, беги! Она и без того тебе на шею села и ножки свесила, а тут совсем обнаглеет, – отозвался Алексей.

Он и вправду так считал. Детям, а тем более подросткам, нельзя давать воли. Они, как зверьки, живут инстинктами, проверяют старших на прочность. Дал слабинку – пиши пропало. В глубине души Алексей считал, что и с женщинами так же: стоит им понять, что они имеют над тобой власть – и все. Можешь быть уверен, воспользуются этой властью на полную катушку.

Маруся, как обычно, послушалась мужа. Немного успокоившись, она и сама согласилась, что Алисе не помешает подумать над своим поведением. Остынет, взвесит все, попросит прощения. А вот если она, мать, взрослый человек, побежит за ней к Надьке (а девочка, ясное дело, там, где же еще?), с уговорами и просьбами помириться, та выкинет еще и не такой фортель. И не раз.

Маруся умылась, накапала себе успокоительных капель с резким пряным запахом, убрала со стола. Леша сказал, что сегодня – никакой работы. Надо расслабиться. Ближе к вечеру они поедут, купят чего-нибудь вкусного. Например, Варварину пиццу, от которой Алиска была в восторге, мороженого (Маруськина слабость) и креветок (Алексей обожал морепродукты и готов был есть их каждый день). А еще непременно необычайно вкусного и ароматного местного вина. Устроят себе романтический ужин.

Наверное, к этому времени уже вернется надувшаяся Алиска, и, может быть, у нее хватит ума попросить прощения. Может, и хорошо, что девочка выплеснула эту муть со дна души. Иногда нужно высказать все, что тебя мучает. Покричать, поплакать. Маруся откровенно поговорит с ней, найдет слова, чтобы объяснить, как она любит дочь.

Она ни разу не говорила с Алисой о том, как та появилась на свет. О предательстве Максима, о том, как тяжело быть беременной в семнадцать лет, как обидно ловить сочувствующие и злорадные взгляды. Как горек статус матери-одиночки, как непросто выживать одной в большом городе, как

мучительно стыдно, что твоего ребенка растит мать. И про Лешу расскажет, какой он добрый и великодушный. Маруся расскажет, и Алиса поймет. Наверное, им следовало поговорить гораздо раньше. Но ничего, лучше поздно, чем никогда. Они помирятся, конфликт забудется, и, возможно, им всем станет легче. Маруся вытирала посуду и мысленно репетировала свою речь.

Однако давящее тяжелое предчувствие не отпускало. В голове неожиданно всплыл неприятный эпизод, который приключился с ними по пути на юг и который она попыталась выкинуть из памяти. И до сегодняшнего дня это отлично удавалось.

Это произошло то ли в Саратовской, то ли в Волгоградской области, теперь уж и не вспомнить. Справа от них возник оставшийся безымянным небольшой городишко, один из тех сонных провинциальных городков, где дома не выше пяти этажей. Обычно они старались просто объезжать их по окраине, следуя указаниям навигатора, чтобы не терять времени. Но Алексею потребовалось то ли масло автомобильное, то ли еще что-то, и в этот раз они свернули с основной трассы и заехали в городок. Петляя по тихим улочкам в поисках магазина автозапчастей, наткнулись на симпатичную, по всей видимости, недавно отреставрированную церковь.

Марусе вдруг захотелось зайти внутрь. Постоять, помолчать перед иконами, подать записки, поставить свечки, вдохнуть благостный, душноватый аромат ладана и горящего воска. Попросить у Бога, чтобы все сложилось хорошо там, куда они направляются. Даже если не особенно веришь, все равно хочется переложить часть ответственности на чьи-то плечи. Обратиться с просьбой в тайной надежде, что кто-то услышит тебя и решит ее выполнить. А почему бы и нет? Ведь не так уж много ты и нагрешила, не такой уж плохой человек, чтобы некое высшее существо заткнуло уши и проигнорировало твои робкие надежды...

Алексей остановил машину, и они все втроем зашли в церковь. Даже Алиска не стала ерничать и отказываться. Послушно надела на голову платок, выудив его из пестрой кучи, что лежала на церковной скамье. Каблуки Марусиных туфель звонко цокали по полу, и она старалась ступать на носочки, чтобы не нарушать тишину, не мешать. Храм был просторный и светлый. Старинные, потемневшие от времени иконы висели вперемешку с недавно написанными образами. Теплились лампы. Мерцали, медленно оплывая, свечки на золоченных подносах. Тихо перешептывались старушки-служительницы. Склонив голову,

стояла и плакала перед иконой Божией Матери молодая женщина. За руку она крепко держала маленькую девочку. Малышка шмыгала носом, нетерпеливо переминалась с ноги на ногу и с любопытством вертела головой. Алексей дал жене несколько мелких купюр, Маруся и Алиса купили в церковной лавке свечи и двинулись вглубь храма.

Когда они спустя минут пятнадцать вышли на улицу, щурясь от яркого света, Алексей уже стоял возле входа и ждал их. Они пошли к машине, не разговаривая, думая каждый о своем, и на их пути возникла женщина. Одета в лохмотья, на лице – жалобное и скорбное выражение. Рот перекошен в плаксивой гримасе. В руках – картонка с надписью: «Помогите погорельцам, люди добрые! Одна с детьми осталась на улице». Преградив им дорогу к машине, женщина заныла:

– Помогите, за ради Бога! Бедствуем, кушать нечего, сама не ем, дети голодные сидят уж какой день!

Алексей полез за бумажником. У Маруси денег с собой не было, а то бы она, конечно, тоже помогла несчастной. Хотя, по правде говоря, изможденной женщина не выглядела. Румяные круглые щеки, полные руки, яркие, отнюдь не бледно-синюшные губы. Да и лохмотья ее выглядели несколько ненатурально. Смахивали на театральный костюм.

– У меня только тысяча, – неловко произнес Алексей и добавил извиняющимся тоном, – только что в церкви всю мелочь отдали.

Нищенка не растерялась. Выудив из глубин своего заношенного платья вполне приличный, добротный пухлый кошелек, она бодро проговорила, нимало не смущаясь:

– А давайте я вам сдачу дам! Сколько вы хотели мне дать? Полтинник?

Маруся изумленно раскрыла рот. Алиска в голос расхохоталась. Алексей потемнел лицом от гнева и прошипел, отчетливо выговаривая слова:

– А ну, пшшла отсюда, прошмондовка!

Они чуть не бегом направились к машине. Почему-то стало стыдно и неудобно. А псевдонищенка кричала им вслед отборным матом, перемежая ругательства с проклятиями:

- Чтоб вам пусто было! Чтоб вы передохли все!

Маруся старалась не слушать, не обращать внимания. Но настроение было испорчено. Одухотворенность, тихое спокойствие исчезли без следа, перечеркнутые этим «чтобы вы передохли все». От спонтанного похода в церковь осталось тяжкое, досадное ощущение.

...В пять часов, когда они садились в машину, чтобы ехать за покупками, Алиса еще не вернулась. И в половине седьмого, когда приехали обратно, нагруженные пакетами, тоже. Звонить на сотовый было бесполезно: вылетев из дома, Алиса оставила мобильник в своей комнате. Алексей сдвинул брови и буркнул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/albina-nuri/propavshie-v-rayu>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)